

Утром 12-го числа в зале заседаний отделения Бэйе атмосфера была удушающей. Кун Бин, стиснув зубами сигарету, выглядел еще свирепее из-за лопнувших сосудов в глазах.

— Мы еще не выяснили происхождение матери и дочери Чжу, а теперь у нас всплыла какая-то Сяо Хуа.

Раньше учет населения велся спустя рукава, и огромная часть людей, сновавших в городах, не имела ни прописки, ни документов. Мать и дочь Чжу хотя бы торговали на улице Мяопин — если копать дальше, можно найти зацепки. А Сяо Хуа, о которой упомянула Цзэн Ли, — это просто имя, притом, возможно, даже не настоящее. С чего тут вообще начинать?

С тех пор как подтвердилось, что десять лет назад Цзэн Янь подменили, дело понеслось в неведомом направлении. У полиции становилось всё больше улик, но истина, казалось, лишь отдалялась.

Чэнь Чжэну и раньше доводилось распутывать сложные дела, но сейчас всё было иначе. Он больше не стоял в центре сцены, а ресурсы Бэйе и близко не стояли с возможностями его прежней команды. Сидя в углу, он наблюдал за Кун Бином как сторонний зритель. Кун Бин был хребтом этой команды. Если хребет дрогнет, вся работа пойдет прахом.

— Капитан Кун, сколько вы уже не спали? — внезапно раздался бодрый голос, совершенно не вписывающийся в обстановку. Воздух в комнате будто всколыхнулся.

Чэнь Чжэн перевел взгляд и увидел вошедшего Мин Ханя. Тот нес папку под мышкой, а перед Кун Бином поставил бутылку чая улун без сахара. Кун Бин потер веки:

— Всё нормально.

— Не нормально, — отрезал Мин Хань. — Капитан Кун, здесь, в Чжуцюане, я человек со стороны, и мой вклад в расследование ограничен. Начальство прислало меня сюда в том числе с задачей приглядывать за вами.

Кун Бин удивился:

— Приглядывать за мной?

— Следить, чтобы вы чередовали труд и отдых. Иначе, если наш «хребет» сляжет от усталости, я со всеми своими талантами заезжего спеца просто ослепну.

Мин Хань говорил с улыбкой, словно по-дружески подшучивал над старым товарищем. Тяжелая атмосфера мгновенно разрядилась. Вечно напряженное лицо Кун Бина дернулось, и он выдавил подобие улыбки:

— Мозги и правда уже не варят.

— Ничего, отдохайте и слушайте, что я вчера нарыл, — Мин Хань легонько постучал указательным пальцем по папке.

Чэнь Чжэн вчера был занят допросом Цзэн Ли и не заметил, куда делся Мин Хань. Только сейчас он понял, что этот тип не крутился у него перед глазами добрую половину дня. Мин Хань выудил из папки два листа и протянул их заинтересованному Кун Бину.

— Полдня проработал «внуком на час» для стариков с улицы Мяопин.

Молодые оперативники прыснули. Мин Хань улыбнулся в ответ и продолжил:

— Выяснил вот что: когда та женщина из семьи Чжу приехала на Мяопин, её ребенок был совсем крохой. Сердобольные старушки помогали приглядывать за девочкой. Мать говорила, что у неё есть муж, но он постоянно в разъездах по работе и не может быть с ними.

Мин Хань сделал паузу.

— Чтобы не называть её постоянно «женщиной Чжу», буду использовать имя — возможно, её звали Чжу Юймо, а дочь — Чжу Цяньцян. Но это только на слух, как пишутся иероглифы — неизвестно. В базе их нет, это факт.

Старики никогда не видели мужа Чжу Юймо и считали, что её обманули. Женщине одной тянуть ребенка было невероятно тяжело. Ей даже советовали отдать девочку в приют: мол, сама она красавица, готовит отлично, без «прицепа» легко найдет хорошего мужа и выйдет замуж.

И что же она отвечала?

Она нежно прижимала дочь к себе и говорила: раз она умеет вкусно готовить, то всегда сможет прокормить себя в городе. Зачем же ей бросать свое дитя?

Поначалу она не держала свою лавку, и дом, в котором она жила, ей не принадлежал. На Мяопин много домов, у которых есть хозяева, но в них никто не живет. Она просто заняла один из них. Позже хозяин вернулся, но не стал выгонять одинокую мать с ребенком. Она работала в закусочных, продавала ланч-боксы на стройках, жарила рис у вокзала и только потом открыла точку с холодными закусками.

Некоторые сомнительные типы, видя её красоту и понимая, что защитить её некому, ошивались у лавки, приставали и хамили. Никто не может подтвердить, причинили ли ей вред, но старики деликатно намекнули, что её могли изнасиловать. Что касается Цзэн Цюня, он появился позже всех. Когда Чжу Юймо исчезла, другие мужчины еще приходили её искать, но Цзэн Цюня больше не видели.

Кун Бин взъерошил свои и без того короткие волосы:

— Цзэн Цюнь, настоящая и фальшивая Цзэн Янь, Чжу Юймо, Чжу Цяньцян, да еще эта Сяо Хуа... Как они все связаны?!

В зале повисла тишина, а затем началось обсуждение.

— Может, фальшивая Цзэн Янь знала, что Цзэн Цюнь убил Чжу Юймо? У неё был компромат, и больной старик был вынужден ей подчиняться?

— Но куда тогда делась настоящая Цзэн Янь? Каким бы зверем ни был Цзэн Цюнь, это его дочь. Не мог же он вообще никак не среагировать на её исчезновение?

— Может, Сяо Хуа забрала Цзэн Янь? Цзэн Цюнь знал об этом? Но почему тогда они пропали на столько лет?

— Разве что Цзэн Янь сама хотела избавиться от своего прошлого, она ведь ненавидела отца...

Чэнь Чжэн молча слушал эти версии. У него росло чувство тревоги: следствие оказалось в

заложниках у собственных улик. Казалось, работа идет, но их уводили на ложный путь. Все забыли об Инь Цзинлю, который пропал как раз перед подменой, забыли о Фэн Фэне и остальных. И та женщина, оставившая след в доме «Цзэн Янь», до сих пор не найдена — это тоже странно. «Цзэн Янь» годами работала в переулке, её лицо знал каждый. Найти подругу, которую она приводила домой, не должно быть проблемой. Если только эта женщина не входила в её обычный круг общения.

Чэнь Чжэн вышел из зала на балкон. Осенний ветер был приятным, но настроение Чэнь Чжэна было далеко от безмятежности. Сзади снова слышались шаги. Его чуткий слух не подвел — это был Мин Хань.

— Чего не заседаешь? Зачем пришел? — спросил Чэнь Чжэн.

Мин Хань вскинул бровь:

— Не мне ли стоит спросить об этом тебя? Кто первый сбежал?

Чэнь Чжэн проигнорировал выпад и, задев Мин Ханя плечом, направился к выходу. Тот устремился следом:

— Куда теперь?

— Снова в жилой комплекс «Фэншу», — бросил Чэнь Чжэн. — Искать мотив, когда не хватает кусков пазла, — значит рано или поздно угодить в логическую ловушку.

Жизнь в «Фэншу» почти вернулась в норму. Ранее оперативники Бэйе обходили жильцов с фотографией из телефона «Цзэн Янь», спрашивая о той женщине. Один человек сказал, что вроде видел её, но не знал ни кто она, ни как связана с погибшей.

Мин Хань поехал вместе с Чэнь Чжэном. Еще до того, как они вышли из машины, Чэнь Чжэн заметил:

— Твой друг стоит со своей лавкой прямо рядом с точкой «Цзэн Янь». Вы ведь не просто друзья?

Мин Хань:

— А?

— Не надо «акать». Ты только приехал в «ссылку» — и у тебя тут же находится «просто друг», торгующий кашей? Не держи меня за трехлетнего ребенка.

Спустя пару секунд Мин Хань усмехнулся:

— Ладно. Мы не «просто знакомые», но кто он такой, я пока сказать не могу.

Чэнь Чжэн кивнул:

— Понимаю. Но попросить его о помощи ведь можно?

Мин Хань посерьезнел:

— О какой помощи?

— Просто поговорить. Его точка была бок о бок с «Цзэн Янь», он мог случайно заметить то, чего не видели другие.

— В этом есть смысл, — согласился Мин Хань.

Утром в переулке заправляли торговцы овощами и завтраками. Жена Чжэн Сянсюэ тоже была на месте. Увидев Чэнь Чжэна, она инстинктивно втянула голову в плечи, избегая взгляда полиции. Чэнь Чжэн лишь мазнул по ней глазами и пошел дальше. На месте лавки «Сверхчеловека» сейчас стояла женщина, продававшая лепешки — её утренняя смена подходила к концу, она уже сворачивалась. Чэнь Чжэн обернулся к напарнику:

— И ты предлагаешь мне искать его самому?

Мин Хань невинно пожал плечами:

— Я тоже не всегда знаю, где брата Чао носит.

В этот момент боковым зрением Чэнь Чжэн уловил знакомый силуэт. Лю Пиньчао (он же брат Чао) тащил тележку с продуктами с другого конца переулочка. Легок на помине.

Мин Хань улыбнулся:

— О, а вот и он.

Лю Пиньчао был из тех людей, что бесследно растворяются в толпе. С лицом, выражающим вечную скорбь, он ходил, не глядя вперед, вечно уставившись в землю. Его приземленность граничила с какой-то механической педантичностью. Мин Хань окликнул его: «Брат Чао». Тот заторможенно поднял голову. На Мин Ханя он никак не отреагировал, но при виде Чэнь Чжэна его лицо едва заметно изменилось.

Чэнь Чжэн подошел ближе:

— Брат Чао, есть минутка поговорить?

Лю Пиньчао не ответил сразу, а посмотрел на Мин Ханя. Тот кивнул, и только тогда торговец произнес:

— Давай в другом месте.

Большинство торговцев, как «Цзэн Янь» или Чжэн Сянсюэ, жили в старых домах того же микрорайона. Лю Пиньчао не был исключением. Он привел их в свою квартиру. Хотел было найти пару стаканов для гостей, но Мин Хань остановил его: «Брат Чао, не утруждайся».

Лю Пиньчао сел за стол и уставился на Чэнь Чжэна пустыми глазами:

— О чем вы хотели поговорить?

Чэнь Чжэн достал фото:

— Эта женщина. Припоминаете её? Она заходила к «Цзэн Янь» и может быть связана с делом.

Лю Пиньчао лишь мельком глянул на снимок:

— Ваши люди уже приходили. Показывали это же фото. Я её не видел.

Чэнь Чжэн ожидал такого ответа. Точка Лю Пиньчао стояла вплотную к «Цзэн Янь», его точно опрашивали одним из первых. Если бы он знал что-то важное, следствие не буксовало бы сейчас.

— Хорошо, — Чэнь Чжэн убрал фото. — Тогда скажите, о чем «Цзэн Янь» обычно с вами болтала? Не нужно пересказывать всё, только то, что запомнилось больше всего.

Лю Пиньчао принялся ковырять мозоли на руках. Мин Хань, как любопытный ребенок, начал разглядывать обстановку комнаты — хотя смотреть было особо не на что: старые шкафы и вещи из прошлого века.

— Она любила расспрашивать о моей семье. Сколько человек, откуда я, почему приехал сюда торговать, — начал рассказ Лю Пиньчао. — Как пожилой человек. Но была разница: она не докапывалась до сути, как это делают бабки. Просто... спрашивала невзначай. Не хочешь — не говори.

— И сколько вы ей рассказали? — спросил Чэнь Чжэн.

Лю Пиньчао покачал головой:

— Я ничего не говорил. Она не обижалась. Но память у неё была девичья: через какое-то время она снова задавала те же вопросы.

Мин Хань вставил:

— Цзэн Янь ведь молодая женщина. Зачем ей обсуждать дела семьи с мужчиной средних лет? Это как-то...

— Не только со мной, — перебил Лю Пиньчао. — Днем, когда покупателей мало, она болтала и с другими торговцами. У меня сложилось впечатление...

— Что её очень интересовали чужие семьи, — закончил за него Чэнь Чжэн. — Или, вернее сказать, она им завидовала?

Лю Пиньчао согласился:

— При этом, когда ей сватали кого-то, она заводить свою семью наотрез отказывалась.

Чэнь Чжэн задумался.

— Она ведь в основном со старшими обсуждала семью?

— Вроде да. С молодыми просто трепалась о еде или о жизни.

Чэнь Чжэн начал вырисовывать портрет: «Цзэн Янь» грезила не о браке, а о крепкой родительской семье, где отец и мать рядом. Это вполне могло быть проекцией желаний настоящей Цзэн Янь. Но через что пришлось пройти, чтобы это отразилось в поведении самозванки?

— А о чем-нибудь еще она говорила? — спросил Чэнь Чжэн. — Например, чем занималась в свободное время?

— По утрам она ходила на танцы на площади, — ответил Лю Пиньчао.

Глаза Чэнь Чжэна азартно блеснули. Этой зацепки у полиции еще не было.

— Танцы на площади? Где именно?

Лю Пиньчао не знал точного места. Это было в один из летних дней. Дела с прохладительными напитками шли хорошо, Лю Пиньчао выставился пораньше и даже оставил часть ингредиентов на соседнем лотке. Вскоре вернулась «Цзэн Янь», вся в мыле. Увидев его, она удивилась и рассмеялась:

— Брат Чао, сегодня так рано? Дай мне миску каши, умираю от жары.

— С закупок вернулась? — спросил тогда Лю Пиньчао.

Она показала пустые руки:

— Откуда товар? Я на фитнесе была.

— Фитнесе?

— Танцы на площади. Вечером не получается, приходится ходить на дневные занятия.

Лю Пиньчао знал, что такие танцы любят пенсионеры, и очень удивился, что «Цзэн Янь» тоже туда ходит. Она, уплетая ледяную кашу, добавила:

— Брат Чао, только не болтай об этом другим. Я ведь специально не здесь танцую, чтобы не видел никто.

Лю Пиньчао и так бы не стал болтать.

Выслушав это, Чэнь Чжэн вспомнил коврик для йоги и складную беговую дорожку на балконе «Цзэн Янь». Она действительно следила за собой, возможно, это было её единственным хобби в бесконечной рутине.

Попрощавшись с Лю Пиньчао, Чэнь Чжэн погрузился в мысли и даже забыл про Мин Ханя. Тот догнал его:

— Брат, я что, настолько незаметный?

Чэнь Чжэн тут же выдал задание:

— «Цзэн Янь» не хотела, чтобы знакомые видели её танцующей. Значит, место не рядом, но и не слишком далеко. Думаю, в радиусе трех километров от дома, где танцуют днем. Разделяемся.

Улица Наньчунь находилась в двух километрах от жилого комплекса «Фэншу». Близко, но из-за соседства с другим торговым центром там был свой замкнутый мирок. Жители «Фэншу» туда почти не заглядывали. Облазив несколько точек, Чэнь Чжэн вышел на Наньчунь как раз во время перерыва у танцующих дам.

Одни болтали, другие пили воду. Чэнь Чжэн начал опрос, показывая фото «Цзэн Янь» и подозрительной женщины. Одна из дам ткнула пальцем в снимок погибшей:

— Эту девочку я видела! Она частенько приходила к нам танцевать. А что, она пропала? Почему её давно не было?

Место подтвердилось. Чэнь Чжэн с облегчением сообщил Мин Ханю, что поиски окончены, и продолжил расспросы. Наконец, кто-то указал на магазинчик у площадки:

— Эта малышка вроде в том магазине подрабатывала.

<http://bllate.org/book/17170/1609750>